

В. Гурко (Гурко-Ромейко)

Очерки Привислянья

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. Гурко (Гурко-Ромейко)**
Очерки Привислянья / В. Гурко (Гурко-Ромейко) – М.: Книга по Требованию,
2013. – 376 с.

ISBN 978-5-4241-4507-0

ISBN 978-5-4241-4507-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Исполненное развитіе экономической и умственной жизни нашего отечества возбуждаетъ безчисленное множество новыхъ соціально-культурныхъ вопросовъ, касающихся внутренняго быта страны, и обсужденіе ихъ естественно отвлекаетъ вниманіе культурныхъ слоевъ русскаго общества отъ старыхъ, давно наскучившихъ, и какъ большинству кажется, вполне выясненныхъ вопросовъ мѣстныхъ — западно-окраинныхъ; тому же несомнѣнно способствуетъ расширеніе участія Россіи въ вопросахъ международныхъ, особенно усилившееся по возникновеніи обширнѣйшихъ задачъ, намѣченныхъ въ послѣднее время нашею политикою на крайнемъ Востокѣ.

Съ начала работъ по проведенію Сибирской желѣзной дороги, въ особенности же со времени Японо-Китайскаго вооруженнаго столкновенія, нѣкоторая часть нашего мыслящаго общества обратила свое вниманіе почти исключительно на тѣ задачи Россіи, которыя будто-бы исторически ей намѣчены на берегахъ Тихаго океана, столь же мало однако намъ извѣстныхъ, сколь далеко отстоящихъ отъ нашего исконнаго центра. Самая неопредѣленность этихъ задачъ, въ связи съ полною неизвѣданностью тѣхъ странъ, которыя представляютъ, по мнѣнію многихъ, будущую арену исторической жизни Россіи, способствуетъ обрисовкѣ ихъ въ столь же заманчивыхъ, сколь грандіозныхъ очертаніяхъ. Явились даже отдѣльные люди, которые печатно заявляютъ, что Россіи нѣтъ дѣла до ея западныхъ окраинъ, исконныхъ однако селитьбищъ многочисленныхъ сыновъ ея; ни что же сумняся, призываютъ они Россію бросить все тѣ ея историческія задачи, частич-

ное, но все же постепенно подвигавшееся исполненіе конхъ заняло всю ея историческую жизнь, начиная съ XIV вѣка вплоть до настоящаго времени, стовло ей безконечныхъ жертвъ матеріальныхъ и цѣлыхъ потоковъ крови лучшихъ сыновъ ея.

Такимъ образомъ Россіи говорятъ, что вся ея многовѣковая борьба съ Польшей была лишь одной сплошною ошибкой, что она не поняла своего назначенія, что ея мѣсто не среди культурныхъ народовъ Европы, а среди дикихъ кочевниковъ Монголіи, что суровый климатъ нашего Сѣвера недостаточно еще препятствуетъ развитію ея соціального благосостоянія, что ей необходимо погрузиться въ дикія тундры Сибири, въ сыпучіе пески средней Азіи, и тамъ сызнова начать насажденіе того, что она съ потратой столькихъ усилій едва успѣла упрочить въ своихъ исконныхъ владѣніяхъ. Поборники этой столь же смѣлой, сколь необдуманной идеи полагаютъ, вѣроятно, что Россія недостаточно до сихъ поръ сдѣлала для своихъ просвѣщенныхъ западныхъ сосѣдей, грудью отстоявъ нашествіе на нихъ дикихъ полчищъ Татарскихъ, что къ этой жертвѣ, вызвавшей ея отсталость на цѣлые вѣка отъ культурнаго роста народовъ, съ которыми она къ XII вѣку находилась почти на равной степени развитія, необходимо прибавить еще новую и неизмѣримо большую—безмолвно отступиться отъ тѣхъ областей, которыя она принуждена была иѣкогда уступить благодаря тому же ея выдержанному нашествію и позднѣе съ такимъ трудомъ возвратитъ себѣ. Оказывается, что въ этихъ областяхъ она возродила Славянскій духъ, насадила пошатнувшееся, или даже совершенно исчезнувшее благосостояніе, воздвигла твердыни, обезпечивающія ея цѣлость и независимость отъ Тевтонскихъ народовъ, лишь для того, чтобы затѣмъ вновь уступить ихъ тѣмъ племенамъ, которыя не сумѣли сами исполнить того, чего она достигла въ столь короткій сравнительно періодъ своего тамъ владычества; уступить для того, чтобы расчищать дорогу черезчуръ стѣсненнымъ народамъ Запада на новыя не населенныя равнины. Иначе говоря, Россіи предлагаютъ не только потерять плоды всей

своей многовѣковой борьбы съ Польшей и Турціей, но еще и впредь обречь себя на роль чернорабочаго Европы, съ ломомъ и киркой прокладывающаго ей путь на Востокъ для свободнаго расселенія ея расплодившихся народовъ.

Многіе на это скажутъ, что наши задачи на Западѣ уже окончены, что тамъ мы дошли до крайнихъ предѣловъ нашего возможнаго владычества, а равно настолько окрѣпли на нашихъ передовыхъ окраинахъ, что въ дальнѣйшей работѣ окончательнаго закрѣпленія ихъ не нуждаемся, а по-сему можемъ всецѣло обратиться на Востокъ, гдѣ Россія несомнѣнно имѣетъ немаловажные интересы, значенія коихъ отвергать немыслимо. Вотъ этимъ-то многимъ и хотѣли мы въ бѣгломъ очеркѣ современнаго состоянія русскаго дѣла въ Привислянѣ, этой врѣзавшейся въ предѣлы нашихъ нѣмецкихъ сосѣдей русской области, по мѣрѣ силъ выяснитъ, что наша работа тамъ отнюдь не закончена, что полное слияніе этого края съ центромъ Имперіи требуетъ постоянной и стойкой поддержки лучшихъ умственныхъ силъ Россіи, что остановка въ этой работѣ равносильна отступленію, ибо не дремлютъ многочисленные враги наши, ожидая лишь ослабленія бдительнаго надзора за ихъ происками, и остановки въ поступательномъ ростѣ русскаго здѣсь духа, для возобновленія активнаго противодѣйствія нашему владычеству. Одновременно стремились мы доказать, что окончательное утвержденіе русской національно-государственной идеи въ этихъ Западныхъ областяхъ, большинство коихъ намъ принадлежатъ столь же по праву первенства населенія ихъ, сколь по праву побѣды надъ ихъ позднѣйшими обладателями, мыслимо окончательно завершить лишь съ включеніемъ въ наши предѣлы тѣхъ оторванныхъ къ Австріи исконно русскихъ земель, въ коихъ нынѣ основался центръ всѣхъ направленныхъ противъ этого утвержденія интригъ и происковъ.

А земли эти называются Галицкою Русью; онѣ составляли до Татарскаго нашествія владѣніе Рюриковичей, и народъ тамъ, не смотря на 500-лѣтній гнетъ польской шляхты и усиленную пропаганду католичества, полагаетъ и доселѣ

всѣ свои надежды на Русскаго Царя, въ Немъ одногь видить свое спасеніе.

Да не забудутъ русскіе люди, что тамъ, обращая свои взоры къ полнощному орлу,

„ ждуть окованные братья,
Когда же зовъ услышать твой,
Когда ты крылья, какъ объятія,
Прострешь надъ слабой ихъ главой.“

ГЛАВА I.

КОЛЕБАНИЯ РУССКОЙ ПОЛИТИКИ ВЪ ПОЛЬСКОМЪ ВОПРОСЪ.

Не смотря на цѣлое столѣтіе, исполнившееся со времени присоединенія къ Россіи большей части земель бывшей Рѣчи Посполитой, въ общественномъ сознаниі нашемъ еще не вполнѣ выяснились тѣ основанія, на которыхъ можетъ произойти тѣснѣйшее сближеніе этихъ земель съ центромъ Имперіи.

Бѣглый взглядъ на наши отношенія къ этому вопросу со времени перваго раздѣла Польши указываетъ, что благодушное русское общество не переставало съ 1772 г. относиться къ Польской народности съ живѣйшею симпатіей, несмотря на оказываемое ею открытое сопротивленіе русской власти и постоянныя агитаци, нерѣдко переносимыя далеко за предѣлы ея распавшагося государства. Еще наканунѣ Польскаго возстанія 1863 года готово оно было не только равнодушно смотрѣть на сохраненіе за бывшимъ герцогствомъ Варшавскимъ всѣхъ его особыхъ мѣстныхъ учрежденій, совершенно выдѣлявшихъ этотъ край изъ общаго государственнаго механизма, но даже съ восторгомъ привѣтствовать тѣ новыя автономныя права, которыми, согласно программѣ маркиза Вельепольскаго, правительство готовилось наградить его. Нужны были для окончательнаго прозрѣнія русской интел-

лигенціей польской непримиримости всѣ ужасы этого возстанія, всѣ дикія злодѣйства жандармовъ-вѣшателей; лишь пробужденная могучимъ голосомъ Каткова, этого безсмертнаго русскаго трибуна, постигла она наконецъ, что одновременное мало-мальски самостоятельное существованіе шляхетской Польши съ Самодержавною Россіей немислимо, что Польскій вопросъ отнюдь не мѣстный, что онъ сводится къ тому, что столь мастерски сказалъ про него Пушкинъ: „Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ, — оно-ль изсякнетъ.“ Тогда-то Россія, какъ во всѣ выдающіеся моменты своей исторической жизни, нашла въ своей средѣ достойныхъ дѣятелей для выполненія задачи окончательнаго сліянія царства Польскаго съ Русскою Имперіей.

Подъ руководствомъ такихъ истинно русскихъ людей, какъ Милютинъ, князь Черкасскій, Соловьевъ, приступилъ образованный на мѣстѣ Учредительный Комитетъ къ кипучей дѣятельности. За семь лѣтъ своего существованія онъ съ успѣхомъ провелъ въ краѣ такія сложныя и коренныя реформы, какъ устройство земельного быта крестьянъ царства, — упраздненіе вотчинныхъ отношеній городовъ къ ихъ бывшимъ владѣльцамъ, — устройство быта Римско-Католическаго духовенства въ связи съ закрытіемъ многихъ латинскихъ монастырей, служившихъ очагами мятежа, — введеніе Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ управленіяхъ, давшее краю почти одинаковое съ Имперіей административное устройство, — упраздненіе всѣхъ центральныхъ въ царствѣ управленій, съ подчиненіемъ дѣятельности мѣстныхъ органовъ главному завѣдыванію Министерствъ по принадлежности, — устройство учебнаго дѣла въ краѣ, причемъ впервые въ Польшѣ было положено основаніе низшему народному образованію, — введеніе русскаго языка въ дѣлопроизводство большинства правительственныхъ учрежденій и преподаваніе на немъ же всѣхъ изучаемыхъ въ школахъ предметовъ.

Естественно, что послѣ такой усиленной правительственной работы, вызванной чрезвычайными, предшествовавшими ей, обстоятельствами, наступило, по упраздненіи Учредитель-

наго Комитета, нѣкоторое затишье въ дальнѣйшемъ развитіи той системы, которая съ 1864 года была положена въ основаніе всѣхъ мѣстныхъ реформъ. Тѣмъ не менѣе русская власть въ краѣ, хотя и менѣе энергично, но все же продолжала начатое дѣло полного объединенія Польши съ Россіей. Такимъ образомъ въ теченіе начала семидесятыхъ годовъ была произведена въ краѣ судебная реформа, положено основаніе окончательному воссоединенію греко-уніатовъ съ Православною Церковью, упразднены или замѣнены общеимперскими почти всѣ оставшіяся къ этому времени учрежденія мѣстнаго характера. Этотъ второй періодъ дѣятельности въ краѣ завершился закрытіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по дѣламъ Царства Польскаго, образованной въ 1866 году изъ бывшаго до того времени статсъ-секретаріата Царства. Къ этому времени гражданское вѣдомство въ краѣ было приведено къ общимъ условіямъ устройства управленія другихъ частей Имперіи и наступилъ конецъ самобытной жизни Царства, превратившагося, даже на официальномъ языкѣ, въ Привислянскій край. Возбужденное настроеніе польской шляхты, изъ которой всецѣло состояла интеллигенція края, понемногу ослабѣвало. Наиболѣе трезвые изъ ея представителей начинали постигать, что въ ихъ собственныхъ интересахъ—примириться съ русскимъ владычествомъ, прекратить бесполезную вражду съ покорившимъ край народомъ и въ совмѣстной дружной работѣ на пользу общаго преуспѣянія искать забвенія прошлаго.

Къ несчастію въ этотъ столь важный моментъ постепеннаго сближенія окраины съ центромъ Россія принуждена была обратить все свое вниманіе, всѣ свои силы на другіе востановившіе ея вопросы.

Въ началѣ второй половины семидесятыхъ годовъ правительство и общество были всецѣло поглощены событіями, происходившими на Балканскомъ полуостровѣ, и возгорѣвшейся вслѣдствіе ихъ послѣднею Восточною войной, а немедленно по окончаніи этой войны злодѣйскія покушенія нигилистической шайки отвлекли правительство отъ всѣхъ

остальныхъ текущихъ вопросовъ. Нигилисты, проявившіе свою преступную дѣятельность съ начала семидесятыхъ годовъ, причѣмъ они въ то время ограничивались пропагандой своего ученія, такъ-называемымъ „хожденіемъ въ народъ“, пріобрѣли особое значеніе въ обществѣ, начиная съ 1878 года. Черпали они свою силу въ томъ самобичеваніи и самооплеваніи, которому предалась въ это время русская интеллигенція, какъ-бы утратившая всякую національную гордость. Основаній этого явленія нужно искать отчасти въ фактахъ, непосредственно слѣдовавшихъ за кампаніей. Русская побѣдоносная армія, цѣной безчисленныхъ лишеній и жертвъ достигшая стѣнъ Константинополя, была лишена исполненія ея завѣтной мечты, раздѣляемой съ нею всей Россіей—войти въ Царьградъ и поднять православный крестъ на святой Софій. Россія имѣла право на это удовлетвореніе ея законной гордости: принесенныя ею человѣческія жертвы громко этого требовали. Въ замѣнъ этого она принуждена была вынести тяжчайшее изъ униженій когда-либо ею испытанныхъ—судъ соединенной надъ нею въ Берлинѣ Европы, не только отнявшій у нея плоды побѣдъ, но даже обратившій ихъ въ поражение путемъ усиленія и возвышенія Австріи въ славянскихъ земляхъ. Война, начатая во имя панславизма имѣла результатомъ, несмотря на блестящій исходъ, ослабленіе значенія Россіи въ Славянствѣ, вслѣдствіе включенія въ имперію Габсбурговъ Босніи и Герцеговины. Итакъ, ободренные критикой всего русскаго строя, раздававшейся со всѣхъ сторонъ послѣ Берлинскаго конгресса, нигилисты рѣшили приступить къ дѣйствіямъ активнымъ. Террористическая программа, получившая, еще ранѣе принятія ея главарями шайки на Липецкомъ ихъ съѣздѣ въ 1879 г., свое первое выполненіе въ посягательствѣ на жизнь генерала Трепова, проявилась цѣлымъ рядомъ покушеній на должностныхъ лицъ.

Намъ не зачѣмъ останавливаться на этой скорбной страницѣ русской жизни. Достаточно для нашихъ цѣлей сказать, что власть, относившаяся сначала болѣе чѣмъ благодушно, во всѣмъ революціоннымъ дѣйствіямъ нигилистовъ рѣшилась,

учредивъ въ 1879 году временныя генераль-губернаторства, примѣнить суровыя мѣры для подавленія дѣятельности разбойничьей шайки. Но эти мѣры, не будучи приняты своевременно, уже не могли остановить движенія, онѣ лишь обозлили крамолу, находившуюся въ ту пору въ періодѣ своего расцвѣта, а высказываемое многими органами прессы убѣжденіе о необходимости реформъ въ либеральномъ духѣ несомнѣнно давало ей нравственную поддержку, вербовало въ ея ряды новыхъ приверженцевъ. Разсужденія о нигилистахъ и ихъ ученіи въ той или иной формѣ не сходили со столбцовъ повременной печати, — они несомнѣнно были героями дня. Все это кружило молодыя головы. Гласный судъ и публичныя казни лишь поддерживали опасную и фальшивую сантиментальность: въ казенномъ нидѣли мученика за идею, и были люди, которые искренно увѣровали въ благородство провозглашаемаго ученія. Несомнѣнно, что при вѣсти о покушеніи Соловьева вздрогнуло русское общество, даже увлекавшееся либеральными, какъ тогда принято было ихъ называть, вѣяніями; но все же полного отрезвленія не произошло.

Послѣдующія покушенія дали возможность либеральной партіи, къ коей принадлежали и многія вліятельныя лица, утверждать, что путемъ однихъ искоренительныхъ мѣръ невозможно остановить преступнаго движенія. „Необходимо, говорили они, привлечь на правительственную сторону всѣ тѣ элементы общества, коихъ желанія сводятся лишь къ болѣе, по ихъ мнѣнію, соотвѣтствующему духу времени способу правленія, то-есть, ослабленію административной власти, предоставленію большей свободы печати, болѣе широкому привлеченію къ дѣламъ государственнымъ и общественнымъ выборныхъ представителей земствъ и городовъ. Преслѣдуя, съ величайшею энергіей, злоумышленную партію, продолжали они, нужно прежде всего озаботиться уменьшеніемъ недовольныхъ въ государствѣ, создать въ самомъ обществѣ многочисленную правительственную партію, смѣло взявши въ свои руки необходимыя въ государственномъ строѣ реформы. Такимъ де образомъ тѣ лица, которыя при реакціонномъ направленіи

правительства хотя и не являются единомышленниками ниглистовъ по отношенію къ избранному ими способу борьбы, но несомнѣнно сочувствуютъ многимъ сторонамъ ихъ ученія, вмѣсто того, чтобы при дальнѣйшей реакціи все болѣе озлобляться и наконецъ переходить даже въ число активныхъ участниковъ движенія, составлять де наиболѣе надежный оплотъ спокойнаго государственнаго развитія.“

Здѣсь не мѣсто говорить объ исторически доказанной ложности такого взгляда, тѣмъ болѣе, что она совершенно очевидна: исторія указываетъ, что всякія уступки со стороны правительства, вызванныя подобными соображеніями, неизбѣжно плекли къ новымъ и новымъ требованіямъ, со стороны тѣхъ, по желанію коихъ они производились, а заключительнымъ актомъ ихъ являлась революція, такъ какъ конечныя требованія недовольныхъ постоянно сводились къ уничтоженію той формы правленія, къ сверженію того правительства, которое не было достаточно сильнымъ, чтобы не подчиняться требованіямъ, поддержаннымъ угрозами.

Но въ то смутное время уроки исторіи были большинствомъ позабыты. Даже въ правящихъ сферахъ становилось все ничтожнѣе число людей говорившихъ: „нужно прекратить сначала неслыханныя злодѣянія горсти преступниковъ, а затѣмъ ужъ приступить къ спокойной работѣ по отношенію къ дальнѣйшему развитію общественно-политической жизни Россіи, такъ какъ работа эта невысказана при существующемъ положеніи: она неизбѣжно будетъ необдуманною и носить отпечатокъ страха.“ Громадное большинство говорило: „нигилисты — преступники, ихъ ученіе бессмысленно; но причина ихъ возникновенія кроется въ существующихъ порядкахъ; исправьте ихъ — и нигилизмъ потеряетъ всякую почву въ обществѣ, станетъ явленіемъ для него ненавистнымъ.“ Одно лишь забывалось, что основой всякаго народнаго движенія служить помогательство не призрачныхъ правъ политическихъ, а благъ матеріальныхъ, чего никакими политическими правами ни замѣнить, ни предоставить не во власти никакого правительства. Въ высшей степени была понята эта истина Им-